

Глава 6

Христофор Семенович Леденцов (1842–1907)

Все свое большое состояние Христофор Семенович Леденцов оставил на поддержание и развитие российской науки. Мы обязаны ему организацией многих научно-исследовательских институтов. Эти институты послужили основой и примером для создания научно-исследовательских учреждений Академии наук. Однако после Октябрьской революции «Леденцовское общество» было закрыто, а имя Леденцова «предано забвению».

Какими биологическими «механизмами» в эволюции обусловлена мотивация поступков, заведомо не приносящих пользы данному организму? Это отдельная и очень мне интересная проблема — возникновение альтруизма как условия выживания вида.

Может быть, на Земле не осталось неандертальцев и других наших предшественников или, точнее, современников, как раз потому, что в популяциях, давших начало нашему виду (*Homo sapiens*) возникло или было сильнее представлено именно это свойство — готовность и даже стремление, страсть бескорыстно жертвовать собою, своим имуществом на благо популяции (племени, народа, человечества)?

Жертвенность, альтруизм, героизм — это истинно макроэволюционные свойства в том смысле, что они определяют победу в естественном отборе достаточно эволюционно продвинутых видов на «макро-временах», на больших отрезках эволюционных траекторий.

Ясно, что героев и альтруистов должно быть не очень много. Обязательно должны быть «обыватели-эгоисты», которые размножаются, поддерживая численность популяции, за счет условий, обеспеченных героями и альтруистами. Ясно также, что необходимое соотношение альтруистов и эгоистов должно изменяться в зависимости от обстоятельств. В благополучные времена преобладают эгоисты, равнодушные к «интересам общества» («сытое буржуазное существование»). Но в критические времена это соотношение изменяется (или популяция гибнет!): «Когда страна прикажет быть героем, / У нас героем становится любой» (это из популярной советской песни). А что бывает, когда альтруисты берут власть и силой заставляют эгоистов стать альтруистами, мы знаем по примеру революций в разных странах, и более всего — у нас в России.

Такой эволюционно обусловленный подъем альтруизма наблюдается и при менее резких изменениях состояния общества — не только при угрожающих популяции-обществу-народу войнах, не только при революциях, но и в периоды

существенных изменений состояния общества. Так было в России после 1861 г. — после отмены рабства — крепостного права.

С чего это князья, принцы, купцы и промышленники становятся меценатами — создают художественные галереи, музеи, строят больницы, учебные заведения, дома для престарелых и сирот? Материальной выгоды они от этого не имеют, во всяком случае не выгода их цель. Как удастся профессорам Московского Университета убедить московское купечество пожертвовать деньги на строительство Политехнического музея, столь важного в дальнейшем просвещении населения? Это действуют все те же механизмы «увеличения концентрации альтруизма» в обществе, которым мы обязаны существованием в эволюции.

Можно бы углубиться в увлекательную (поскольку неразработанную) проблему природы физиологических механизмов, например, нейрогормональных режимов альтруистов... Не будем этого делать. Ограничимся констатацией: в критических условиях в обществе растет концентрация альтруистов.

Этот рост проявляется по-разному. Молодые люди «идут в народ» — из столиц, от обеспеченной жизни в близкой им культурной среде — в глухие деревни с дикими нравами, в качестве сельских учителей и врачей. Иные становятся («ради народного блага») революционерами-террористами. Как рассказано в предыдущих главах — Великая княгиня Елена Павловна организует женский санитарный отряд для самоотверженной помощи раненым во время боев в Севастополе и создает первый в России научный медицинский институт — Еленинский Клинический институт. Замечательны своими благотворительными делами принцы Ольденбургские — Петр Георгиевич и его сын Александр Петрович. Александр Петрович создал первый в России настоящий научно-исследовательский институт — знаменитый ИЭМ. Возможно, в том же настроении генерал Шанявский отдает все свои средства и силы делу народного образования, а его современник, купец Х. С. Леденцов отдает все свое состояние на развитие научных исследований в России. Мы можем отметить, что А. Нобель — тоже российский промышленник. И что нобелевские премии, возможно, также обусловлены духом альтруизма, охватившим Россию в последней трети XIX века. По масштабу своих капиталов и настроению — намерениям Леденцов не уступает Нобелю. При этом нужно отметить, что хотя, в отличие от Нобеля, судьба его завещания оказалась трагичной и имя его в наше время почти никому не известно, его вклад в развитие российской науки ощутим до сих пор.

Меня поражает сходство «настроений» великой княгини Елены Павловны, принцев Ольденбургских, генерала Шанявского и купца Леденцова — людей совершенно различных по происхождению и общественному положению.

В апреле 1897 г. 55-летний Х. С. Леденцов пишет «Нечто вроде завещания»:

Я бы желал, чтобы не позднее 3 лет после моей смерти было организовано Общество..., если позволено так выразиться, «друзей человечества». Цель и задача такого Общества помогать по мере возможности осуществлению если не рая на земле, то возможно большего и полного приближения к нему. Средства, как их понимаю, заключаются только в науке и в возможно полном усвоении всеми научных знаний...

Интересно сравнить эти слова Х. С. Леденцова с аналогичными словами из завещания А. Л. Шанявского.

Откуда такой высокий строй мысли? Вот что пишут о нем В. А. Волков и М. В. Куликова [1]:

«Х. С. Леденцов родился в 1842 г. в семье вологодского купца первой гильдии, которому принадлежали земельные владения под Вологодой, винокуренные заводы, доходные дома в Петербурге и Вологде, имения в Сыромятниках, на Сходне под Москвой и под Звенигородом. По окончании вологодской гимназии учился в Московской практической академии коммерческих наук, которую закончил с похвальным листом. Энергичный и предприимчивый, Леденцов успешно пошел по стопам отца и приумножил его состояние. Путешествовал по странам Европы, интересуясь организацией различных производств, был широко образован. Его библиотека в Вологде насчитывала несколько тысяч томов научной и технической литературы... Будучи избран городским головой, Леденцов учредил ломбард, основными „закладчиками“ которого стала вологодская беднота и крестьяне близлежащих уездов. В 1900 г. он передал Русскому техническому обществу 50 тыс. рублей для устройства Музея содействия труду и был избран почетным членом этого Общества. В середине 1990-х годов Леденцов переехал в Москву, где поселился в особняке своей сестры купчихи Обидиной на Мясницкой. Сейчас в этом здании располагается Дом научно-технической пропаганды, в библиотеке которого сохранилась часть его уникального книжного собрания, которое он перевез сюда из Вологды.»

В Москве Леденцов сблизился с группой профессоров С. А. Федоровым, Н. А. Умовым, К. А. Тимирязевым, Н. В. Бугаевым, М. М. Ковалевским и другими, и пришел к мысли завещать свой капитал, составляющий примерно 2 млн руб., на развитие научных исследований.

Может быть, в этих именах — объяснение сходства поступков Шанявского и Леденцова? М. М. Ковалевский их общий консультант... Но истоки их намерений в них самих или, точнее, в том, что называется «дух времени».

В «группе профессоров», упомянутых выше, надо бы выделить Н. А. Умова. Когда-то, в 1870-е годы молодой Н. А. образовывал замечательный триумvirат с И. И. Мечниковым и И. М. Сеченовым. Их связывала взаимная симпатия и многолетняя дружба. Дружба выдающихся исследователей — биолога Мечникова, физиолога Сеченова, физика-теоретика Умова, дружба альтруистов-«шестидесятников». Теперь седовласый патриарх, профессор Н. А. Умов был признанным не только научным, но и нравственным авторитетом. Он был избран (1897) президентом Московского общества испытателей природы (и был на этом посту до своей смерти в 1915 г.).

Умов посоветовал Леденцову для реализации его стремлений учредить Общество на базе двух крупнейших учебных учреждений — Императорского Московского Университета и Императорского Московского Технического Училища. Дело в том, что Х. С. Леденцов стремился не просто способствовать научным исследованиям, но хотел содействовать тому, что в недавнем прошлом у нас называлось «внедрением» научных достижений в практику.

Для реализации задуманного Х. С. Леденцов вместе со своими друзьями-консультантами в 1903 г. составили проект устава Общества, который предложили для обсуждения в «особую комиссию в составе ректора Императорского Московского Университета (А. А. Тихомирова), директора Императорского Высшего

Технического Училища (С. А. Федорова), профессоров Университета и Технического Училища, и некоторых лиц из среды общественных деятелей, известных своими выдающимися трудами в области промышленности и техники.

Подобный троякий состав комиссии, по мнению инициатора проектируемого Общества, наилучшим образом гарантировал успех и наиболее правильное жизненное направление столь важного по значению и столь оригинального по замыслу начинания» (цит. по [3]). Далее началась волокита, очень похожая на судьбу проекта Университета Шанявского. Министерство Народного Просвещения не приняло сначала существование Общества при двух высших учебных заведениях. Внес свои поправки в устав и московский генерал-губернатор. Но самое большое затруднение вызвало внесение Министерством Просвещения в устав параграфа, в соответствии с которым «Общество может быть закрыто Министерством по рассмотрении дошедших до него сведений о беспорядках в Обществе или о нарушениях устава Общества. Дело затягивалось, и Х. С. Леденцов не стал дожидаться и внес в кассу Университета процентными бумагами 100 000 руб. „от лица, пожелавшего остаться неизвестным“». Тут нужно бы остановиться. Так это непохоже на обычную мотивировку жертвователей!

Х. С. Леденцов не дождался утверждения устава Общества — он умер в Женеве 31 марта 1907 г. (ст. ст.), «оставив по духовному завещанию, совершенному им 13 апреля 1905 г. и утвержденному к исполнению московским окружным судом — определением суда от 20 июня 1907 г. — все свое состояние на цели учреждения Общества» [3].

Проект устава Общества после долгих мытарств был утвержден Министерством 24 февраля 1909 г. Я привожу все эти даты для сопоставления с аналогичными при утверждении устава Университета Шанявского.

17 мая 1909 г. состоялось первое чрезвычайное общее собрание, и на нем «по единодушно выраженному желанию собравшихся, решено исходатайствовать право на присвоение Обществу имени его основателя, Х. С. Леденцова, на что и последовало соответствующее разрешение» [3].

Была ли нарушена воля покойного? Возможно, и не была. Он пожелал остаться неизвестным, внося первый вклад в 100 000 руб. По завещанию доходы Общества обеспечены процентными бумагами, составляющими особый неприкосновенный капитал «имени Х. С. Леденцова». Таким образом, имя Леденцова переставало быть тайной. Но оно по завещанию не было столь явным и не предполагалось в постоянно произносимом названии Общества.

Далее я снова приведу часть текста из статьи В. А. Волкова и М. В. Куликовой [1]:

«Торжественное открытие Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х. С. Леденцова состоялось 24 февраля 1909 г. в помещении Политехнического общества (М. Харитоньевский пер., д. 4), а спустя два месяца на общем собрании был избран Совет, в который вошли профессора С. А. Федоров (председатель), Н. А. Умов товарищ председателя), А. А. Мануйлов (ректор Московского Университета), профессора университета П. Н. Лебедев, И. А. Каблуков, А. П. Павлов, профессора Московского Технического Училища А. П. Гавриленко, П. П. Петров, Я. Я. Никитинский и В. В. Гриневецкий. В число 110 действительных членов были избраны такие выдающиеся ученые, как Д. Н. Анучин, В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, Д. Н. Прянишников, С. А. Чаплыгин, А. Е. Чичибабин, Л. А. Чугаев, и др. (Позднее в состав общества вошли П. И. Вальден, М. А. Мензбир, Л. В. Писаржевский, А. В. Чаянов, А. Н. Реформатский, А. Н. Северцов, В. Н. Ипатьев, Н. С. Курнаков, Н. К. Кольцов, А. Н. Крылов). Почетными членами были избраны Н. Е. Жуковский, И. И. Мечников, К. А. Тимирязев (и, кроме того, почетными членами Общества были Н. А. Умов, С. А. Федоров и А. П. Гавриленко — ставший директором Технического училища и А. А. Мануйлов — ставший ректором Московского Университета)».

С. А. Федоров в своей речи говорил [3]:

«...Х. С. Леденцов ставил, однако, условием, чтобы пособия Общества направлялись преимущественно на такие открытия и изобретения, которые при наименьшей затрате капитала могли бы приносить возможно большую пользу для большинства населения, причем эти пособия Общества должны содействовать осуществлению и проведению в жизнь упомянутых открытий и изобретений, а не следовать за ними в виде премий, субсидий, медалей».

Задаче соединения «чистой» науки с ее техническими, практическими следствиями и должно было способствовать сотрудничество в организуемом Обществе Университета и Технического Училища. Особое значение имело подчеркнутое выше положение о содействии осуществлению и проведению исследований, а не о наградах по их успешному завершению. В этом принципиальное отличие от уже утвержденных к тому времени Нобелевских премий. Отличие это особенно важно было именно для России.

В сущности, в России был лишь один научно-исследовательский институт в современном нам смысле — ИЭМ принца Ольденбургского. Научные исследования проводились в основном в университетах и в других высших учебных заведениях — Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии, например. Академики — члены Петербургской Академии наук имели в качестве сотрудников одного-двух лаборантов. Леденцову, Леденцовскому Обществу принадлежит приоритет в создании специализированных «академических» научных учреждений в России.

Было решено создать Московский Научный институт со специализацией в разных науках. По-видимому, первым в реализации этой программы было финансирование организации сначала лабораторий, а затем и специального института для Петра Николаевича Лебедева. И в этом случае виден «синергизм» в действиях именем Шаняевского и именем Леденцова.

Лебедев, лишенный лаборатории и не только средств для продолжения исследований, но средств к существованию — после упомянутого выше разгрома

Московского Университета в 1911 г., получил и то и другое и в Университете имени Шанявского, и в Обществе имени Леденцова. И Попечительским Советом Университета, и Советом Общества был высоко оценен научный уровень и достоинства П. Н. Лебедева, и была признана необходимость его поддержки.

В 1912 г., незадолго до смерти, П. Н. Лебедев сделал эскиз лабораторных помещений для будущего Физического института — части Московского Научного института Леденцовского общества. П. П. Лазарев продолжил дело своего учителя. На Миусской площади (недалеко от Университета Шанявского!) было построено на средства Леденцовского общества специальное здание. В декабре 1916 г. после торжественного молебна в этом здании был открыт первый научный институт — Институт биофизики и физики. Биофизики — потому что Лазарев был биофизиком и лишь затем физиком.

Вскоре после Октябрьской революции 1917 г. этот институт был подчинен Наркомздраву РСФСР (Н. А. Семашко). В этом институте работали выдающиеся люди (кроме самого П. П. Лазарева) — В. В. Шулейкин, Минц, С. И. Вавилов, Г. Гамбурцев, С. Н. Ржевкин. В 1929 г. Институт был «реорганизован» и стал Физическим институтом АН СССР — знаменитым ФИАНом. В 1920-е года, благодаря организационным талантам Лазарева, от института отпочковались Институт физики Земли, Институт рентгенологии и радиологии, Институт стекла. Биофизика на некоторое время лишилась своего института — биофизические лаборатории Лазарева и Г. М. Франка были созданы в структуре ВИЭМа (Всесоюзного Института экспериментальной медицины). А в 1952 г. на базе лаборатории (умершего в 1943 г.) П. П. Лазарева и других лабораторий был создан Институт биофизики АН СССР, явившийся таким образом наследником Института Леденцовского общества.

На средства Леденцовского общества была построена и оборудована лаборатория И. П. Павлова в Петербурге и аэродинамическая лаборатория Н. Е. Жуковского при Московском Университете и лаборатория для испытания гребных винтов и моделей при Московском техническом училище (основа будущего знаменитого ЦАГИ). Общество финансировало работы выдающихся химиков — А. Е. Чичибабина, Л. А. Чугаева, Н. М. Кижнера и исследования В. И. Вернадским радиоактивных минералов Российской империи — все это основы будущих научных институтов Академии наук СССР, а затем Российской Академии Наук.

И снова из статьи Волкова и Куликовой [1]: «Периодическую материальную поддержку от Леденцовского общества получали Московское общество испытателей природы, Карадагская научная станция, Русское физико-химическое общество, Оргкомитет 1 Всероссийского съезда по вопросам изобретений, который состоялся в октябре 1916 г. в Москве.

С началом 1-й мировой войны значительную часть средств Общество направляло на проведение исследований и приготовление остродефицитных медикаментов, в частности морфия и кодеина. Их производство было налажено А. Е. Чичибабиным с помощниками в Московском техническом училище. Субсидировались также проводимые в 1916–1917 гг. под руководством Н. Я. Демьянова опыты по получению новокаина в Московском сельскохозяйственном институте.

Деятельность общества продолжала приносить свои плоды целый год после Октябрьской революции. Однако постановлением ВСНХ от 8 октября 1918 г. его имущество было национализировано. Общество имени Христофора Семеновича

Леденцова прекратило свое существование. И неблагодарные потомки забыли его имя...».

Потомки, как ясно из приведенного выше, не вполне забыли Леденцова. В мемуарах, разговорах представителей поколения моих учителей оно упоминалось. Упоминает Леденцовское общество в своих статьях П. П. Лазарев, звучало это имя в рассказах Н. В. Тимофеева-Ресовского, но действительной роли этого человека в российской науке и культуре мы не знали. А тем временем в библиотеке Московского Университета хранились почти все необходимые материалы. Я получил их при любезной помощи заведующей библиотеки Физического факультета М. А. Знаменской и старшего библиографа А. П. Крыловой, за что я им очень признателен (см. также [2–6]). Но почти в это же время появились первые публикации о Х. С. Леденцове и особенно цитируемая выше статья Волкова и Куликовой [1]. Потомки не забыли Леденцова и, надо надеяться, будут изучать его феномен еще не раз, и его имя, наряду с именами великой княгини Елены Павловны, принца А. П. Ольденбургского и генерала Шанявского, войдет в хрестоматию по истории российской науки и культуры.

Примечания

1. Лишь в самое последнее время стали появляться публикации, посвященные Х. С. Леденцову. Среди них выделяется статья: *Волков В. А., Куликова М. В.*, Христофор Семенович Леденцов и его Общество // *Природа*. 1991. № 2. С. 125–128.
2. Важные сведения о Х. С. Леденцове почерпнуты мною из хранящихся в Библиотеке Московского университета изданий Леденцовского Общества: «Временник» Об-ва содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х. С. Леденцова, состоящего при Императорском Московском Университете и Императорском Московском Техническом Училище, 1910, вып. 5 и 1911, вып. 6).
3. *Федоров С. А.* Памяти Христофора Семеновича Леденцова (Речь на общем собрании общества 5 декабря 1910 г.). см. [2]. С. 1–3.
4. *Рыбников В.* Инкогнито из Вологды // *Изобретатель и рационализатор*. 1987. № 9. С. 38–41.
5. *Волков В. А., Куликова М. В.* Во имя Отца и Сына и Свягаго Духа // *Химия и Жизнь*. 1992. № 5. С. 84–86.
6. *Костромина О.* Потомки торговых королей // *Московская правда*. 1990. 29 сентября.

Примечания к 3-му изданию

За время, прошедшее после выхода в свет 2-го издания, появился ряд работ, посвященных Х. С. Леденцову. Отсылаю к ним заинтересованного читателя:

1. Почему забыт впечатляющий опыт частной инициативы поддержки российской науки? // *Конкуренция и рынок*. 2004. Декабрь. № 24. <http://www.konkir.ru/article.phtml?id=2693>
2. *Панов Е. Д.* Наука-труд-любовь-довольство. Христофор Семенович Леденцов // *Вестник Российской академии наук*. 2004. Т. 74. № 1. С. 63–70. <http://vivovoco.rsl.ru/vv/journal/vran/2004/ledentsov.htm>
3. *Прохоров В.* Благотворитель из Вологды // *Наука и Жизнь*. 2005. № 8. <http://ricolor.org/history/rt/blg/2/>